

ГРИГОРИЙ БРЕЙТМАН

Жуткие рассказы

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

В тексте сохранены авторская лексика,
орфография и пунктуация

Брейтман, Григорий Наумович.
Б87 Жуткие рассказы / Григорий Брейтман. — Москва :
Эксмо, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-242578-3

Накануне Рождества, в Сочельник, нечистая сила выходит на свободу, бродя по улицам в поисках заблудших душ. Череп заставляет мужчину совершить самоубийство. Труп исчезает из могилы и оказывается на обеденном столе... Но так ли это на самом деле? Или человеческий разум способен создавать ужасы, которые страшнее самого дьявола?

«Жуткие рассказы» — собрание историй, где границы между реальностью и кошмаром стираются, оставляя холодный след на душе. Анатомические театры, кладбища, психбольницы становятся ареной для столкновения человеческих страхов, вины и мистики.

Григорий Брейтман (1873–1949) — писатель и журналист, который изучал преступный мир и писал криминальные рассказы. Издатель киевской газеты «Последние новости».

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242578-3

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ЧЕРЕП

I

Я проходил по кладбищу и наткнулся неожиданно на человеческий череп.

Он спокойно и скромно выглядывал из сочной зелени смоченной недавним дождем травы, на которой капли воды блестели, как мелкие осколки стекла. Казалось, будто скелет высунул из-под земли свою желтую и отполированную временем голову...

Я невольно остановился, почти изумленный этой внезапной встречей, несмотря на то что произошла она на месте собрания трупов, гробов, скелетов и человеческих костей, где череп представляет предмет, во всяком случае, обыкновенный...

Меня всегда трогательно настраивала благоговейная серьезность кладбищенской тишины, которая гармонично сочетается с простотой насыщающей ее скорби. Каждое дерево, куст и человек словно проникнуты на этой территории смерти сознанием того, что под ними царство бывших людей, слой из мертвецов, скелетов и гробов, где земля кажется жирной от растворившихся в ней человеческих тел. Грустью и строгой тайной овеваны здесь

каждый уголок, выпуклый холмик и вытягивающиеся из земли одинаковые в своем разнообразии памятники, как будто вырастающие из могил...

Бог его знает, каким образом этот череп выполз на белый свет в зеленую траву, но он казался чистым, словно старательно вымытым, и я невольно стал разглядывать этого могильного дезертира с чувством суеверного почтения.

Вообще, я скелеты предпочитал трупам. Скелет уже определенная величина, самостоятельная, рассчитывающая если не на вечное, то, во всяком случае, на довольно продолжительное существование.

Труп же еще бывший человек, носящий следы и остатки всех его болезней и пороков, таящий в себе совокупность всех причин, приведших его наконец к смерти и гниению.

Скелет держит себя в жизни без всякой нравственной солидарности с телом, хотя подчиняется всем его прихотям, приказам и похоти и часто страдает от этого. Он лишь исполняет свой долг в сознании того, что без его поддержки тело не сможет существовать и держаться на земле. Предоставленный самому себе, он великолепно живет, без разлагающихся мускулов и потрохов, долгие годы, о которых телу даже никогда не мечтается. Освободившись наконец после долгого, сутолочного существования от всего того, что носило в себе когда-то жизнь, скелет становится чистоплотным, без червей и мяса. И в то время как труп вселяет лишь отвращение и ужас, смердит и разлагается, скелет, на-

против, вызывает к себе известное расположение; череп его имеет хотя однообразное, но все-таки осмысленное выражение. Он как будто иронизирует своей оскаленной улыбкой над жизнью. И потому люди к нему часто благоволят и даже носят его изображение в виде брелоков и запонок. Вообще, труп вселяет страх к смерти, а скелет — уважение к ней; он примиряет с ней и символизирует ее...

Череп меня заинтриговал. Он словно внимательно следил за мной своими темными впадинами, в которых как будто, после зрачков, еще осталась искра взгляда, и словно ждал, какое я приму относительно него решение. И я уже не мог уйти без него, оставить его здесь на произвол судьбы. Какой-то теплый порыв родил во мне желание унести его с собой и положить на стол настоящий человеческий череп, а не псовый, как у некоторых моих друзей.

Я разостлал на траве носовой платок, положил на него мою кладбищенскую добычу и, завязав на макушке черепа все узлы платка, таинственно понес находку домой. Пальцы мои касались холодной кости, и я старался держать мой узелок таким образом, чтобы избежать нескромных взоров прохожих. Но платок не закрывал всего черепа, и когда я бросал взгляд на свою ношу, то невольно встречался глазами с одной орбитой черепа, в которой мелькало лукавство.

«Неси, неси», — как будто говорил этот взгляд.

Придя домой, я стал у окна в позе Гамлета с черепом в руках и стал внимательно рассматривать

эту чью-то бывшую голову. Я убедился, что это прекрасно сохранившийся экземпляр с великолепными зубами. Налюбовавшись вдоволь своим приобретением, я наконец оставил его в покое, установив на своем письменном столе. Взглянув на него еще со стороны несколько раз, я отправился по своим делам в город.

Но удивительное дело, какое-то странное чувство стало томить меня; не то беспокойство, не то тоска. И, стараясь разобраться в причинах этого непонятного состояния, я мог только определенно убедиться, что меня что-то влечет домой, словно меня там кто-то ждет. Легкая грусть дразнила мои нервы, и я, наконец, должен был сознаться, что нахожусь под впечатлением черепа, который я оставил дома, что я о нем беспрестанно думаю и что именно он влечет меня к себе.

Тогда я стал бороться с определенными мыслями о моем кладбищенском госте, но мозги мои никак не хотели отделаться от них, мысли о нем словно увязли в них, и наконец, побежденный, я подчинился потребности свидания с ним и возвратился домой ранее обыкновенного.

II

Был уже вечер, темно. Вошел я в свой кабинет, сопровождаемый сильным биением сердца, и, не зажигая огня, немедленно отыскал глазами череп, который лежал на столе, освещенный луной, загля-

дывавшей в окно. Я сразу встретился с его взглядом, и мне показалось, что он глядит на меня исподлобья, как будто недовольный чем-то. И странно, я почувствовал себя словно виноватым. Тогда, чтобы избавиться от моих душевных переживаний, неуместных для серьезного человека, я поспешно зажег лампу и вслед за этим немедленно, руководимый какой-то потребностью, взял в руки череп.

Может быть, я это сделал с целью успокоить мои нервы, я не знаю, но порыв мой был скорее инстинктивный, чем сознательный. Я долго вертел череп в руках и сначала чувствовал себя как будто увереннее, но постепенно ужасное подозрение стало руководить мной.

Я не застал череп на том месте, на котором я его оставил!

Мне казалось, что я его поставил с правой стороны чернильницы, а он оказался с левой. Как это могло произойти, я не мог постичь, и струйки страха стали сползать по нервам к моей душе. Она как могла сопротивлялась им, но никакие резоны не могли преодолеть росшей уверенности в наличии неприступного явления...

Тревога была непродолжительна. Рассудок в конце концов взял свое, приступ досады смел страх и освежил несколько мое настроение. Пожурив себя за свою неосновательную мнительность и уверенный, что я просто забыл, куда раньше положил череп, я поставил его обратно на стол. Хорошо запомнив, что он с правой стороны чернильницы,

я быстро разделся и лег в постель, почти успокоенный.

Вытянувшись под одеялом, я закрыл глаза; мне стало даже стыдно моей трусости, и я решил не думать больше о черепе. Но я только старался забыть о нем, сквозь все мои мысли о моих делах и знакомых он выползал в моем воображении и принимался тревожить его. Тут я поймал себя на том, что беспрестанно на него взглядываю и встречаюсь со взором его орбит. Тогда, чтобы покончить с этой ерундой, я потушил лампу и завернулся в одеяло с головой, искренно сожалея, что притащил сюда эту беспокойную костяную коробку.

Но я не мог уснуть. Меня влекло к черепу! Это был нестерпимый позыв, и, не будучи в силах совладать с ним, я все-таки выглянул из-под одеяла и в темноте нашел его глазами. Хотя отблеск луны не касался его, но он четко и выпукло выявлялся посреди моего стола и даже как будто, обратив ко мне свои темные орбиты, ждал меня: вот-вот заговорит!

Вздорная мысль об этом снова возвратила меня к действительности, и нелепость моего состояния стала для меня очевидной. Мне вся эта история наконец надоела. Я решительно вскочил с постели, схватил газету, набросил ее на костяное темя, закрыл череп и, возвратившись в постель, поворотился лицом к стене.

«Завтра надо от него избавиться, — подумал я. — Бог с ним, не стоит из-за всякой дряни портить себе нервы».

III

Я закрыл глаза и, собираясь уснуть, принялся думать о том, кому бы подарить этот череп и, вообще, что с ним сделать. И потому забыть о черепе я не мог, а наоборот, он настойчиво продолжал занимать мое воображение. Я отбивался от мыслей о нем, негодовал даже, но тяготение к нему брало верх. И тогда, просто для того, чтобы уступить своей психической потребности и затем уже окончательно успокоиться для сна, я повернул лениво лицо к черепу.

На миг я словно перестал жить: череп смотрел на меня в упор во все свои огромные орбиты.

Он как будто торжествовал — газеты на нем не было.

Он сбросил ее с себя, она белела на полу.

Когда момент состояния, равного бесчувствию, ослабел и мысль моя опять заработала, я понял, что я пережил припадок такого ужаса, какой даже недоступен определению. Но сменивший его уже сознательный страх вызвал во мне порыв исступленного отчаяния. Моя судьба висела на волоске, необходимо было действовать немедленно, чтобы успеть спасти себя.

Поведение черепа было ясно, и становилось очевидным, что кто-нибудь из нас должен погибнуть.

Мой взор уже не избегал вида этого ужасного гостя, свалившегося из ада в мою жизнь. Мы долго, скрестивши взгляды, созерцали друг друга пред решительным боем.

Я был окружен ужасом, и безвыходность моего положения снабжала меня силой для борьбы. Я чувствовал больше, чем понимал, что только посредством уничтожения этого черепа возможно мое освобождение. Бешеным прыжком я очутился около стола, и мои ладони и пальцы ощутили в своей власти упругую костяную массу, холодную и скользкую и необыкновенно отвратительную. Это чувство острого отвращения впилося в меня тысячами жал, и я, в пароксизме невыносимой ненависти, стал колотить проклятым черепом о стол, о стену, душил его в потребности раздавить, раздробить его на куски. Череп сопротивлялся с дьявольской силой. Он при каждом ударе вырывался из моих рук, но я не выпускал его, прижимал к груди, сдвигал коленями, всадил пальцы в его орбиты и старался разорвать его. Все мое существо было поглощено потребностью расколоть этот угловатый костяной шар, который словно стонал и скрипел от боли и ярости в моих руках под сыпавшимися на него ударами, толчками, под напором всех моих мускулов. Он вертелся в моих руках, хватал зубами мои пальцы, колот и кусал руки, цеплялся за мое белье. И хотя его сопротивление увеличивало мои силы, но меня наконец стало одолевать опасение, что борьба моя безнадежна, что кость не хочет поддаваться моей ярости и что приближается момент, когда мне придется уступить своему врагу и бесповоротно погибнуть. Тогда в последних усилиях я судорожно сдавил череп и вскочил на подоконник;

удерживая из всей мочи своего противника, я одной рукой старался разбить стекло с целью выбросить его за окно и таким образом наконец освободиться от его близости, присутствия и даваемого им ужаса. Но когда от моего бешеного удара звон стекол откликнулся по всей комнате, в эту последнюю минуту, череп сделал отчаянное, порывистое движение в моих объятиях, словно оттолкнул меня, и, вырвавшись, бросился вниз! Подпрыгивая по полу с гулким хохотом, почти с криком торжества, он, перевернувшись несколько раз, стремительно закатился под мою кровать и затих там.

Хотя поражение ощущалось полным моим существом, мне ничего не оставалось, как продолжать борьбу. Моя беспомощность посылала меня на дальнейший бой, моя незащищенность заставляла меня снова броситься на замогильного противника. Я с рыданием ярости соскочил с подоконника, схватил мою палку и, стоя на коленях, стал шарить палкой под кроватью. Произошла новая схватка. Моя палка скоро настигла череп в углу, ударила его и откатила. Затем она стала хватать его, стараясь зацепить. Череп вертелся и гудел под ее ударами, метался и, наконец, медленно выглянул из-под кровати.

Уцепившись за палку, он добрался до ножки моего стола и улегся здесь, не спуская с меня своих глубоких орбит. Я, в свою очередь, крайне обессиленный этой борьбой, опустился в изнеможении на свою кровать и уже не старался избегать взора

черепа. Беспомощность иногда успокаивает, и я не видел ничего, кроме своего ужасного врага.

Мы долго созерцали друг друга, скрестивши взоры, и вот постепенно, почти незаметно для меня, темный, полный печальной холодности взгляд черепа стал стушевывать, смягчать мой страх, которого раньше я словно требовал и к которому стремился. И против моей воли, совершенно неожиданно для себя, я тихо обратился к черепу с вопросом:

— Что ты от меня хочешь?

Череп медленно раздвинул, словно на резиновых связках, свои желтые и крепкие челюсти, и я почувствовал его ответ, потому что череп говорил как-то без проявления голоса, хотя каждое слово его отчетливо достигало меня и попадало в мое внимание.

— Я? — удивлялся он. — Я, кажется, тебя не трогал и к тебе не стремился. Ты меня похитил с кладбища и притащил сюда. Ты ведь меня искал, значит, я тебе нужен.

Я не нашел, что сказать черепу. Он был прав, и виновато, едва не плача, я только мог проговорить:

— Мне страшно!

Я словно просил помощи у того, кто окутывал меня этим ужасом. И меня достигло то впечатление, которое было вызвано в черепе моими словами. Я получил такой ответ:

— Почему ты меня боишься, что во мне страшного? Ты на меня бросаешься, швыряешь, бьешь меня, тогда как я тебя не трогал, не обижаю и вообще не причиняю тебе никакого вреда.

— Я не знаю, что со мной, почему я притащил тебя сюда, и не знаю, что ты от меня хочешь и что со мной будет.

Я находился в крайне подавленном состоянии, и все мое внимание, чувство и зрение было сосредоточено на лежащем у моих ног черепе, который определенно приобрел надо мной власть. Я признавал, что я теперь подчинен ему и что я никогда не освобожусь от этого подчинения. Я не понимал значения этой силы, но она вызывала во мне ужас неимоверной ненависти к этому обрубку скелета, куску бывшего человека. А череп между тем дал мне следующий ответ:

— Я от тебя ничего не хочу. Я меньше всего стремился к тебе. Но ты стал нуждаться во мне, и вот я здесь! Уже до того, когда ты нашел меня, ты меня уже чувствовал в себе, приближался ко мне своей душой, искал меня ею, и только вследствие этого ты отправился на кладбище и набрел на меня. В жизни нет случайностей, в ней все согласовано, она состоит и творится вся из результатов предыдущего. И я явился отвечать тебе на твои вопросы, от решения которых теперь ты зависишь. Ты меня боишься, хотя я твоя необходимость и твое спасение; я принес тебе правду, которую ты хочешь обойти, но к которой неизбежно толкает тебя твоя жизнь.

Я все понимал и слушал череп без протеста и жалобы. И чем более я убеждался, что он прав и что он мне лишь объясняет то, что я чувствовал

раньше всем своим существом, тем сильнее рвалась из моей души ненависть к нему.

— Я знаю, — прошептал я в острой тоске, — ты моя смерть.

Я понимал, что со смертью трудно бороться, что она в конце концов неизбежна, хотя борьба с ней необходима. Но я никогда не предполагал, что я с ней когда-нибудь встречусь так ужасно просто, лицом к лицу. Вот почему я так растерялся, когда сообразил всю сущность моей истории с черепом.

— Ты моя смерть, ты моя смерть, — твердил я.

Я больше ничего не видел, даже силуэтов моей комнаты и мебели, даже кровати, на которой я сидел. Я созерцал только череп, дальше его и вокруг него уже для меня ничего не существовало. Он же продолжал:

— Я твоя совесть; вы, люди, меня потому боитесь, что я все знаю, даже то плохое, что вы не делали, но к чему были способны, что желали делать, но по различным причинам не совершили.

Чем более увеличивалась опасность, тем безумнее металась во мне моя неистовая ненависть к черепу. И когда я убедился, что он все знает о жизни моей души, моя ярость была равна моему ужасу.

— Теперь я тебя уже не оставляю, ты дошел до той точки твоей жизни, когда человек нуждается во мне для того, чтобы я ему заменил его самого.

— Ты моя смерть, ты моя смерть! — беспрерывно лепетал я в страдании перед смертью, изнемогая от могучей потребности спастись от нее, про-

должать жизнь. Мою мысль и душу освещала одна мысль, что только уничтожением черепа, вместе с находившейся в нем моей совестью, я уничтожу конец моей жизни и стану свободным, и что я потом ни буду делать, как ни буду жить, я буду спокоен, не буду бояться будущей жизни и смерти и достигну наконец полного человеческого счастья.

И одновременно во мне жили два различных чувства: страх перед смертью и трепетная надежда на бессмертную жизнь. Затаив в себе волнение и присмирив, я стал медленно, в последней надежде, шарить около себя рукой, потому что, на счастье, я вспомнил одно обстоятельство, которое в последнюю минуту влило в меня острую надежду на благополучный исход моего приключения.

Я искал мой топорик, которым я колол щепки и забивал гвозди. Этот топорик всегда лежал около печки сейчас же у моей кровати, в том конце, у которого я сидел. Я очень скоро ощутил его пальцами, и холодок его лезвия настоящей радостью промчался по моим нервам. Еще минута, и ручка топора была уже твердо зажата в моей руке. Я старался, в неимоверном напряжении всей моей воли, не выдать себя ни одним движением. Моя хитрость оправдала себя, череп не выразил никакого беспокойства, тени его орбит по-прежнему с холодной печалью глядели на меня. И я, чтобы до конца обмануть его внимание, еще с большей тщательностью вглядывался в его скулистые черты, и наконец, когда я был уже в себе уверен, я внезапно опустил перед черепом